

Лагунова Софья Максимовна

8Б класс

ТЕМА: Таблетка от зависти.

ТЕМАТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ: 3 этап „КОМАНДОРЫ В ЗАПАС НЕ УХОДЯТ“;
„И ФЛАГ, И ЧЕСТЬ, И ПАРУС...“

Я всегда завидовала Ашисе: единственная дочь обеспеченных родителей, заграничные путешествия, яркие фотографии в соцсетях, дорогие брендовые наряды и косметика, самые новые телефоны. У неё было всё, о чём могла мечтать каждая девочка. Если бы она училась хотя бы в параллельном классе, то мои страдания были бы не так сильны. Но, увы, Ашиса — моя одноклассница, объект обожания для других и зависти для меня.

В школу наша принцесса приезжала, а не шла пешком, как обычные дети. Заезжала на школьный двор в новеньком красном „Мерседесе“, стоимость которого, по словам девочки, „дороже всех наших жизней“.

В классе Ашиса вела себя как капризная скандальная девочка: спорила с учителями, грубила им, не хотела работать на уроках, но требовала отличных оценок. Но же и с нами, одноклассниками: наши вещи для неё „какое-то рыночное барахло, в котором должно быть стыдно не только ходить в школу, но и даже мусор выносить“, телефоны — „времен Адама и Евы“, косметика — „на основе свёклы и моркови с огорода“.

Все ребята боялись стать объектом насмешек капризной Несмеяны, поэтому старались не выделяться ничем, не спорить с ней и вообще смириться со стеной, спрятаться, чтобы не быть замеченными.

Я - не исключение. Страх стать объектом издевательств, помойным ведром негативных комментариев охватывал меня ежедневно, поэтому я старалась дружить с принцессой, поддакивать ей, во всём соглашаться, даже копировать её.

Помню день, когда я устроила первый разнос маме за то, что она подарила мне на день рождения новенький Редми, а не айфон, как у Алисы. Она не устроила мне праздник в своём коттедже, не наняла аниматоров для развлечения, не позволила пригласить друзей и оттянуться по полной, а просто испекла торт и позвала бабушку. Ещё один «стариковский день рождения»! Странно, но раньше я любила подобные семейные праздники с просмотром моих детских фотографий и бесконечными неторопливыми беседами за чаем. Теперь - нет, я - другая и не позволю маме экономить на мне. Назвав маму «жайлкой эгоисткой» и бросив ей ненужный подарок, я выбежала на улицу, решив позвонить Алисе. Принцесса ответила на мой звонок, но забрать меня не смогла, потому что была на «тусовке», где «все с деньгами».

Норосил дождик, я одна бродила по улице. Мне было жалко себя: красивую, утончённую, стройную с небесно-голубыми глазами и пшеничными волосами. Я часто мысленно надевала на себя вещи Алисы, красилась будто бы её косметикой и размышляла о несправедливости жизни: ведь я красивее её, и эти вещи поддержали бы мою красоту. Но это не мои вещи и, возможно, не будут моими никогда. Зависть душила меня, а мысли тёрли тугими бродями в голове: я хотела, чтоб Алиса исчезла, испарилась, а её родители взяли меня себе.

Идти было куда. Одежда промокла. Я, подавлен-

ная, усталая от бессмысленного скитания, медленно шла домой, потому что на праздниках — все с деньгами, а простыми смертными без денег на праздник вход воспрещён.

Мама с заплаканными глазами открыла мне дверь, обняла меня, но я оттолкнула её и решительно хлопнула дверью своей комнаты...

Задыхаясь мама стала ещё ночью, кашляла, вздыхала. Но я не подходила к ней, думая, что она пытается просто привлечь моё внимание, чтобы поговорить об испорченном дне рождения. Я её тогда не простила.

А утром маму увезла машина скорой помощи с неприятельным диагнозом: коронавирус, тяжёлая форма. Я должна была оставаться дома как контактная: ходить в школу запрещено, обучение только дистанционное, денег и еды нет, поэтому пришлось дехать к бабушке в деревню.

Жизнь в подобных селениях протекала медленно и невероятно скучно. Соседи — одни пенсионеры, шухие, подслеповатые, едва шевелящие ногами. Моя бабуля тоже слышала плохо и постоянно вздыхала, приговаривая: «Их, как там Леночка? Всё в реанимации, всё на ИВЛ, бедняжка!» Я маме не звонила, потому что обида всё ещё пряталась в глубине моего сердца.

У бабули Интернет работал через раз, иногда по шесть — семь часов не было света, поэтому дистанционное обучение приостановилось. За две недели сошло на нет моё общение с Аней, я совсем перестала «сидеть» в социальных сетях. Вместо этого я помогала бабушке с дровами, носила воду, топчила покосившуюся печь, ушла вязать носки и читала потрепанную «Пень Каравеллы» Владислава Крапивина.

Странно, но деревня и книга положительно влияли на меня. Я читала о совсем небогатых детях послевоенного времени, которые смеялись, любили жизнь, мечтали, обожали своё бедное, но счастливое детство. У них не было телефонов и Интернета, но какой интересной и насыщенной казалась их жизнь.

Наверное, я стала менять своё отношение к происходящему. Бабушка достала маминьи вещи, которые мне оказались впору: куртку, шапку, тёплые галашки. В них мне почему-то было совсем не стыдно выходить на улицу, отправившись за водой или в магазин.

Из прочитанной книги я поняла, что одежда, косметика — это внешние атрибуты, которые ничего не значат. У бедных крапивинских ребятшек не было и малой доли того, что имею я сейчас. Но они жили полной насыщенной жизнью, мечтали, любили родителей и каждый миг своей жизни. Выходит, не в телефонах счастье.

Я стала чаще ухаживать, следить над собой, просматривать советские фильмы с бабушкой, даже подружилась с девочкой Катей из дома напротив. Она была высокая, неуклюжая и сильно стеснялась того, что взята из детского дома под опеку. Катя смотрела на меня с завистью, с которой я всегда смотрела на Анну.

Книга была прочитана. Я решила навестить маму в больницу. Бенер на впускности для передачи в больницу не было, поэтому мы с бабулей напекли блинов, положили баночку яблочного повидла, а Катя принесла домашнего творога и сыра. Я довязала носки и тоже положила их в пакет маме.

Когда я увидела её через оконное стекло (в больницу не пускали), то не сразу узнала. Из телефонных

разговоров бабушки было понятно, что мама никак не могла победить коронавирус, пила множество таблеток, сильно похудела, килограмм на десять. Я удивилась, что даже глаза её были уставшими и безжизненными. Казалось, что мама не желает вылезать, потому что не видит в этом смысла. Мне стало очень стыдно за свой поступок в тот день рождения, и я ей позвонила по телефону. Она очень обрадовалась, тихо-тихо шептала в трубку и плакала:

- Прости, я заболела, до сих пор не вылезла и у меня совершенно нет денег, потому что отдала их тогда за тот телефон... Прости, доченька...

Я, мама от радости, подбадривала её:

- Зато я вылезла, мама! От зависти... И ещё от Анны... Это ты меня прости! Вот, носочки тебе связала... Сама... Впервые...

Маму выписали ровно через неделю, она очень быстро поправилась после нашей встречи. Я вернулась за школьную парту, а некоторые свои вещи отдала Кате, той самой, которая тоже завидовала, но только мне. Анне я завидовать перестала. После деревни, случайно прочитанной книги и карантина стала видеть в ней недостатки: будто дорогой одеждой специально прикрывали бедность её души.